

Б. М. ТАЛЬ

Поэтическая контрреволюция в стихах М. Волошина

О мощной воспитательной силе кованного, образного, ритмичного поэтического слова говорить не приходится. Множество поэтов «властвуют над думами и сердцами» нашей молодежи.

Тем более осторожный, критический, вдумчивый и внимательный подход нужен к творчеству и личности поэтов, к их идеологии, к их политическим воззрениям.

За последнее время все большей и большей известностью и популярностью начинает пользоваться поэт Максимилиан Волошин, «Красная Новь» — весьма авторитетный и солидный наш журнал — печатает его стихи¹. Размножившиеся у нас журнальчики желтоватого пошиба в роде «Всемирной иллюстрации» поют Волошину дифирамбы и печатают его портреты во всяких видах. Высокие «знатоки» русской литературы, вроде широко известного проф. Львова-Рогачевского, воспевают М. Волошина чуть ли ни как первейшего поэта революции.

В. Львов-Рогачевский, который читал лекции во многих самых избранных высших учебных заведениях Москвы и учил нашу коммунистическую молодежь «марксистскому» подходу к литературе², этот самый «маститый» профессор в своем труде «Новейшая русская литература» * характеризует М. Волошина следующими восторженными словами: «Это большой поэт, которого не измял вихрь шумный, кто связал свою поэзию с трагизмом революции». В. Львов-Рогачевский восторгается «каким мощным языком, с какой силой чувства, с какой волнующей серьезностью говорил поэт (Волошин) в России о России».

«С ростом новой России росли крылья этого поэта». В стихах Волошина «нет налета эмигрантщины», в них говорит «двух станов не боец», который приветствует «жгучий вихрь полярной преисподней».

* Тов. Сосновский в «Правде» от 1-го июня с. г. дал вполне достойную оценку этому «труду» В. Львова-Рогачевского, с отчетливой ясностью выяснив всю тенденциозность, пустоту и антиреволюционность этой книги.

Свой хвалебный гимн Львов-Рогачевский завершает патетическим восклицанием: «Волошин не поэт стилист, а поэт отвечатель!»*

Можно и вправду подумать, что Волошин величайший поэт революции, что его следует наградить за революционные заслуги орденом Красного Знамени.

Но мы не склонны верить на слово даже такому почтенному профессору, как В. Львов-Рогачевский.

Попробуем проверить, что говорил и говорит Волошин о революции, какие образы воплощает он своим «мощным языком», действительно ли он «двух станов не боец» (то есть, очевидно, ни белым, ни красным, что само по себе не так уж хорошо рекомендует поэта); посмотрим, кому и как отвечает сей «поэт-отвечатель».

Между прочим, Волошин очень любит подчеркивать эту свою нейтральность в развернувшейся великой борьбе.

Вот, например, как характеризует он свою позицию между белыми и красными:

А я стою один меж них,
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
*Молюсь за тех и за других*³.

Говорят, что М. Волошин не только в теории проповедовал нейтралитет, но и осуществлял его на практике.

Так, Евг. Зноско-Боровский⁴ в статье о М. Волошине⁵ рассказывает следующий весьма любопытный и характерный эпизод из жизни поэта:

«Он приехал (в Екатеринодар, в центр белогвардейщины), спасая какого-то генерала, который при большевиках, подчиняясь просьбам и уговорам населения, знавшего его издавна, согласился служить по городскому управлению где-то в Крыму, и при приходе туда добровольцев был арестован их контр-разведкой. Узнавший об этом Волошин положил себе обязанностью выручить генерала и для этого повсюду следовал за ним, стараясь не дать свершиться “правосудию” где-нибудь в глуши, но довести его до центра управления армией.

Однажды ему пришлось целую ночь напролет, сидя на походной кровати, читать стихи какому-то коменданту, чтобы этим воздействовать на него и вырвать у него разрешение следовать с превосходительным преступником дальше.

Главную надежду на спасение генерала Волошин и в Екатеринодаре возложил опять-таки на свои стихи. Читал он их всем и всюду, в разных

* Все цитаты взяты из книги Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература», с. 386–387.

присутствиях, стоя где-нибудь подле окна, в длинном, узком коридоре, и сумел проникнуть даже к высшим военным чинам, у которых специально для него устраивались вечера. И везде он имел оглушительный успех, всех потрясал пафосом своего плача над Россией, и все, со слезами на глазах и в голосе, повторяли за ним:

Я ль в тебя посмею бросить камень?
 Осужу ль страстной и буйный пламень?
 В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
 След босой ноги благословляя?
 Ты, убогая, гулящая, хмельная,
 Во Христе юродивая Русь⁶.

Читал он и на публичном утре, в зале какого-то кинематографа. Запыленный выходил он твердыми шагами вперед и вдруг — вкрадчивым голосом делал к каждому стихотворению ненужное предисловие, вскрывавшее всю рационалистическую схему его пророческого вдохновения, а затем, могучим, нарочито-грубым, простонародным зычным голосом, принимался выбрасывать то хлесткие, то проникновенные фразы о гибнущей, разоренной родине.

С Россией кончено. На последях
 Ее мы прогалдели, проболтали,
 Пролузгали, пропили, проплевали,
 Замызгали на грязных площадях,
 Распродали на торжищах⁷.

И снова слушатели были потрясены, плакали вместе с поэтом, грозили виновникам страшной катастрофы (т. е. отвратительным большевикам. — *Б. Т.*), так ярко воскрешенной им, недоумевая, как может ужиться в нем этот пламенный пафос с дружественным нейтралитетом к обеим враждующим сторонам»*.

Так спасал М. Волошин белого генерала⁸, очевидно выявляя в этом свой «нейтралитет».

У нас, к сожалению, нет другого материала, который свидетельствовал бы о «нейтралитете» поэта, или о преданности его революции или хотя бы о лояльности его по отношению к «Красным».

Зато у нас очень много материала противоположного характера, отчетливо показывающего, что «нейтральность» Волошина страдает

* См. ст. Евг. Зноско-Боровского «Стихи о терроре М. Волошина», Последние новости.

порядочным изъяном на левый в бок и обнаруживает солидную приверженность к контрреволюции.

Вот, в марте 1917 года — в первые же дни после февральской революции, когда даже кадет Милюков был доволен — М. Волошин написал стихотворение «Москва». И что же? Оказывается, даже февральская революция, скинувшая только царя и передавшая власть в руки буржуазии, повергает нашего поэта в величайшее огорчение:

В Москве на Красной площади
Толпа черным черна.
Гудит от тяжелой поступи
Кремлевская стена.
На рву у места Лобного,
У церкви покрова,
*Возносят неподобные,
Нерусские слова.*

Первые же митинги февральской революции кажутся Волошину чем-то ужасным, «неподобным», «не русским» (!) — как же — ведь говорят против царя, — а это истиннорусскому сердцу поэта кажется нестерпимым. И он проливает горькие слезы:

Ни «свечи не засвечены,
К обедне не звонят, —
Все груди красным мечены,
И плещет красный плат.

Но эти грустные, патриотически-церковные настроения, навеваемые на Волошина февральской революцией, переходят в неистовую ругань после революции октябрьской.

Вот стихотворение «Мир», датированное 27 ноября 1917 г. (через три недели после октябрьского переворота). Это то самое стихотворение, которое цитирует Е. Зноско-Боровский, описывая потрясающий успех Макс. Волошина среди белогвардейщины. Если верить Зноско-Боровскому, именно такие стихотворения помогали Волошину проявлять свой «нейтралитет» и спасти белых генералов, провинившихся (поневоле!) случайной связью с Советской властью.

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях.

Распродали на улицах: не надо ль
 Кому земли, республик да свобод,
 Гражданских прав? И родину народ
 Сам выволок на гноище, как падаль...

Какие образы! Какой «мощный стиль»! Какой неистовый пафос оголтелого контрреволюционера! Какая исступленная ненависть к революции, к рабочим и крестьянам, твердой рукой вырвавшим власть из рук помещика и капиталиста.

Да, Максимилиан Волошин несомненно «поэт-ответатель», — он не молчит, он хорошим языком отвечает революции от имени сожженного ею мира паразитов. И он мечет громы и молнии, призывает все силы неба и земли наказать мятежную революционную страну:

О, господи, разверзни, расточи,
 Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока
 Отдай нас в рабство вновь и навсегда...⁹

Недурные пожелания! В словах поэта нашли прекрасное и яркое воплощение стремления русской белогвардейщины, старавшейся задушить революцию с помощью иностранных штыков.

В стихотворении: «Петроград», помеченном 9 декабря 1917 г. Волошин отчетливее поясняет, почему он считает «Россию» погибшей:

Сквозь пустоту державной воли
 Когда-то собранной Петром,
 Вся нежить хлынула в сей дом,
 И на зияющем престоле
 Над зыбким мороком болот
 Бесовский правит хоровод...

Все вполне ясно. Волошин скован ужасом. Нет царя-императора и самодержца всея Руси. Какая-то нечистая сила, какие-то адские бесы (то есть — рабочие, крестьянские и солдатские советы) взяли власть.

Поэт гневается, подобно слабоумной бабушке-кликуше, проклинает революцию и пророчески вещает. Он уверен в том, что это «бесовское наваждение», эта страшная Советская власть продержится недолго — разве может быть иначе?

Да не смутится сей игрой
 Строитель внутреннего града¹⁰,

Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы.

Но вопреки всем этим проклятиям, заклятиям и предсказаниям Советская власть все крепнет, Октябрьская революция победно движется вперед, Красная гвардия бьет белогвардейских генералов.

И наш поэт начинает впадать в безнадежность.

Вот что пишет он в стихотворении «Из бездны», написанном в январе 1918 г.:

Полночные вздулись воды,
И ярость взметенных толп
Шатает имперский столп,
И древние рушит своды.
Ни выхода, ни огня...
Времен исполнилась мера...

Словом настает конец света, пришел большевик-антихрист. Во всем этом что-то не видно особенного «нейтралитета».

Падение самодержавия, торжество пролетарской революции повергает Волошина в черную меланхолию и безнадежный пессимизм.

Однако где-то в глубине его «революционной» души теплится какая-то неугасимая вера:

Отчего же такая вера
Переполняет меня?
Для разума нет исхода,
Но дух ему вопреки
И в бездне ищет ростки
Неведомого восхода...

И в стихотворении «Родина», написанном 30 мая 1918 года, Волошин раскрывает причины и источники этой его «неугасимой веры». Как раз в конце мая 1918 года и позднее развернулся контрреволюционный мятеж чехо-словаков, вспыхнул ряд бело-эсэровских заговоров, организованных англо-французским капиталом, вообще началось широкое вооруженное выступление Антанты против Советской власти. Вся контрреволюция воспрянула духом в чаянии близкой победы и возвращения доброго старого благодатного царского времени. Окрыленный надеждами, Максимилиан Волошин пишет, обращаясь к «родине» — России:

Еще безумит хмель свободы
Твои взметенные народы,
И не окончена борьба...

Вот здесь уж прямо, с отчетливой ясностью видно, что почтенный профессор В. Львов-Рогачевский глубоко и незаслуженно обидел поэта, сказав, что Максимилиан Волошин «двух станов не боец», и что сам поэт наклеветал на себя (очевидно, в силу излишней скромности): — ничего подобного, Волошин был настоящим, искренним, преданным бойцом стана контр-революции, если не телом и рукой, то во всяком случае духом и пером.

В том же стихотворении «Родина» Волошин окончательно и вполне недвусмысленно формулирует свои убеждения и идеалы. Надеясь на близкое падение Советской власти и возвращение монархии, обращаясь все к той же «несчастной родине», поэт изрекает:

Ты уж знаешь в просветленьи
 Что правда Славии — в смиреньи,
 В непротивлении раба.

Общие славянофильско-монархические идеалы и чаяния Волошина хорошо сформулированы и в стихотворении его «Ангел Времен», написанном 20 мая 1918 года, трактующем о том, что «Русь третий Рим»:

Пойми великое предназначенье,
 Славянством затаенного огня:
 В нем брезжит солнце завтрашнего дня
 И крест его — всемирное служенье.
 Двойным путем ведет его судьба —
 Она и в имени его двуглава:
 Пусть slavus — раб, но Славия есть слава¹¹.

Поэт заканчивает это стихотворение патетическим восклицанием:

России нет — она себя сожгла,
 Но Славия воссветится из пепла!

В то, что «Русь восстанет из гроба» (т. е. из «революции») Волошин верит непоколебимо. И основой его веры служит то, что «на дне преисподней», где она была «осуждена томиться эти годы», она «не отреклась от своих святых заветов»:

Но мы не покорились,
 На дне темниц мы выносили силу
 Неодолимую любви. И в пытках
 Мы выучились верить и молиться¹².

Волошин вообще очень любит «молиться». Все его творчество проникнуто неистовым религиозным экстазом по типу религиозного иступления кликуш-богомолок. Но «молитвы» поэта имеют довольно определенное направление. Вот, например, как «божественно» приветствует он приход большевиков в Крым¹³:

Жгучий ветер полярных преисподней,
Божий бич, — приветствую тебя¹⁴.

Революция, конечно, бич божий, небесная кара бедной России, «забывшей свое святое назначенье».

Широкое обобщение своим взглядам Волошин делает в стихотворении «Святая Русь», относящемся к тому же периоду его творчества после Октябрьской революции. Это одно из тех стихотворений, которые, по приведенному выше свидетельству Е. Зноско-Боровского, имели потрясающий успех в белогвардейских кругах и помогло Волошину выполнить его возвышенную «нейтральную» миссию спасения белых генералов*.

Волошин начинает с проникнутой славянофильским патриотизмом исторической справки:

Суздаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали
Да тугую золотом суму?
В рундуках приданное копили,
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?
Не тебе ли на речных истоках
Плотник-царь¹⁵ построил дом широко —
Окнами на пять земных морей?
Из невест красой да силой бранной
Не была ль ты самую желанной
Для заморских княжих сыновей?

Словом, все было прекрасно, царская святая Русь расцветала и благоденствовала. Но вдруг пришли лихие, страшные времена, пришла революция:

Быть царевой ты не захотела, —
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развей да расточи,

* Стихотворение «Святая Русь», входящее в сборник стихов Волошина — «Демоны Глухонемые», было приведено т. Сосновским в «Правде», как один из образчиков «революционного» творчества М. Волошина.

Ты отдай казну свою богатым,
Власть — холопам, силу — супостатам
Смердам — честь, изменникам ключи.

Поддалась лихому подговору,
 Отдалась разбойнику и вору,
 Подожгла посадки и хлеба,
 Разорила древнее жилище
 И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.

Но глубоко религиозного, христиански-фаталистического, уверенного в торжестве предуказанной божественными силами «истины», поэта не смущает временное несчастье — революция, — это лишь нашептал «враг» — сатана:

Я ль в тебя посмею бросить камень?

Обращается смиренно мудрый Волошин к России.

Ты — бездомная, гулящая, хмельная,
 Во Христе юродивая Русь!

А пройдет хмель, окончится революционный припадок — и все восстановится, «Святая Русь» вернется к своему истинному, богом предуказанному монархическому бытию.

Весело писал «поэт-ответатель», «поэт революции» во время революции по адресу революции!

Все приведенные здесь стихотворения Волошина помещены в сборнике его стихов «Демоны Глухонемые», вышедшем в 1919 г. Отдел, включающий эти стихотворения, озаглавлен «Ангел Мщения» (недурное заглавьице!) и снабжен эпиграфом из протопопа Аввакума (милый источник «революционного» поэтического вдохновения!):

Выпросил у бога¹⁶ светлую Россию сатана,
 Да очервленил ее кровью мученической —

Итак, выступления М. Волошина во время гражданской войны показывают, что этот поэт-аристократ, осатаневший от ненависти к Советской власти, к России молота и серпа, всецело был с контр-революцией, с белогвардейщиной.

Но может быть потом, после окончательной победы революции Волошин сменил вехи, похоронил надежды на возврат прошлого и воспринял новую Советскую правду?

Посмотрим.

В 1922 году, в май-июньской книжке «Красная новь» поместила цикл стихов М. Волошина из поэмы его «Путями Каина»¹⁷.

В этих трех отрывках «меч», «порох» и «пар» поэт со всей мощью своего таланта воспекает... средневековье.

Волошин превозносит рыцарский меч:

Меч создал рыцаря и оковал железом
Его лицо и плоть его.

«Меч создал справедливость», меч «вместе с кровью напитался духом святых и праведников, им усекновенных», меч — «символ земной любви» (??)¹⁸ и т. д., и т. д. Жаль только, что наш поэт не разъясняет, какую, собственно, «справедливость» создал меч: не «справедливость» ли для крепостных крестьян, на поте и крови которых пышным цветом расцветали благородство и щедрость, ослепительное богатство, блеск и доблести прекрасных рыцарей-феодалов? Не «справедливость» ли крестовых походов, когда, под флагом расширения мирового владычества католической церкви и во имя ограбления богатых стран ближнего Востока на укрепление растущего торгового капитала, благородные рыцарские мечи вырезывали тысячи сарацин и евреев?

Волошина эти вопросы не интересуют. Он восторженно славит средневековый феодализм, он гневно обрушивается против пороха, который

Сбил с героев шлемы и наплечья,
Мундиры, шпаги, знаки, ордена,
Все оперение турниров и парадов.

Как горько оплакивает поэт рыцарский блеск, прекрасные турниры и парады! Как дорого средневековье его «революционному» сердцу! Волошин ненавидит порох за то, что он

Вынудил разрозненные толпы
Сомкнуть ряды,
Собраться для удара,

за то, что порох

Смесил народы.
Сплавил государства.
В теснинах улиц вздыбил баррикады.
Низвергнул знать.
Воздвигнул горожан.

Волошин ненавидит буржуазные революции XVIII–XIX в.в. Ненавидит их не потому, что он хочет скорее дальнейшего движения вперед — к революции пролетарской. Наоборот — он хочет вернуться вспять — назад к временам феодализма, он, как благородный менестрель, оплакивает средневековое рыцарство.

Но вершин гнева и ненависти достигает М. Волошин, когда он говорит о паре, о машине, создавшей новый век и новых людей.

Он ненавидит пар, который

Запачкал небо угольной сажой,
Луч солнца — копотью,
И придушил в туманах
Расплесканное пламя городов.

Этот утонченный аристократ, певец средневековья, ненавидит мощный современный город с его бурным, стремительным темпом жизни, город, созданный машиной, сплотившей, выковывающей, с каждым днем укрепляющей нового гиганта — вершителя истории — пролетариат.

Все, чем машина, вооружила человечество в борьбе с природой, Волошину чуждо, неприятно, ненавистно:

Пар сократил пространство,
Сузил землю,
Сжал океаны,
.....
.....
Замкнул
Просторы путнику,
Лишил ступни
Горячей ощупи неведомой дороги,
.....
Ладони — посоха и ноздри — ветра.

Аристократу Волошину средневековый пилигрим-богомolec, с посохом шествующий к отдаленному монастырю, ближе, дороже, милее, чем бурно и неустанно мчащаяся вперед современность.

Волошин ненавидит машинную современность:

Свист, грохот, лязг, движенье —
.....
Немыслимыми сделали молитву¹⁹ (недурной аргумент!);
Превратили
Царя вселенной — в смазчика колес.

М. Волошин в ослеплении не понимает даже, что не царем, а рабом природы был любезный его сердцу человек прошлого, не вооруженный машиной. Он не понимает, что настоящим «царем вселенной» может быть и будет только «смазчик колес» — пролетарий, который начал уже завоевывать и перестраивать весь мир.

Волошину чужда, враждебна, ненавистна современность, он весь в средневековом прошлом, с его рыцарями, королями, монастырями, с его турнирами, пышностью и блеском, с его аристократической утонченностью «благородных» феодалов.

Итак, в стихах своих, помещенных в «Красной нови» в 1922 году, М. Волошин выступает, как глубокий реакционер, проклинающий современность и жаждущий возврата средневековья.

Но Максимилиан Волошин отнюдь не ограничивается платоническими, теоретическими размышлениями на тему о возврате прошлого.

Если на страницах «Красной нови» поэт публикует свои «теоретические» рассуждения, то в других местах, где он не связан злой советской цензурой, он выступает с вполне определенными и конкретными призывами.

В том же 1922 году, в котором стихи Волошина были опубликованы в «Красной Нови», другие его стихи были опубликованы совсем в другом сборнике. Сборник этот издается в Берлине. Носит полуславянское название «Детинец»²⁰ (конечно, через любезное эмигрантскому сердцу «ять»), и серая с черным обложка его украшена царским двуглавым орлом и короной.

Этот сборник объединяет вокруг себя самый цвет русского монархизма. Сама редакция характеризует свои сборники, как «свободную трибуну для всех течений монархической (так и написано — с большой буквы. — *Б. Т.*) национальной мысли».

И вот в этом-то сборнике, в котором на каждой странице поминается «державный вождь российской армии, государь император», «за веру, царя и отечество» и пр., и пр., и пр., в сборнике, в котором доказывается, что «Красная армия, слов нет, подлая, гадкая армия: она изменила родине и служит Третьему Интернационалу»; в сборнике, в котором открыто и прямо бросается лозунг сплочения монархических сил и создания внутри Сов. России тайной монархической организации; в этом самом прекрасном, выдержанном монархическом сборнике в виде передовой на первой странице помещено стихотворение М. Волошина.

Надо признаться, что составлявшие сборник монархисты (а в сборнике собран хороший их букет, начиная с прославленного г. П. Краснова и кончая прожженным черно-желтым писакой Ив. Наживиным) хорошо выбрали начало: стихотворение Волошина по силе чувства, богатству

образов и выдержанности является настоящим перлом монархического поэтического творчества.

Называется это стихотворение — «Заклятие о Русской земле».

Оглянусь на все четыре стороны,
 На семь морей, на два океана,
 На семьдесят семь племен,
 На тридцать три царства,
 На всю землю святорусскую.

И печальная картина встает перед глазами Волошина:

Не слышать людей,
 Не видать церквей,
 Ни белых монастырей,
 Ни крестов, ни дворцов.

Словом, крепко стоит СССР, разбили рабочие и крестьяне всех, кто пытался сокрушить Советскую власть.

По всему полю дикому, великому
 Кости белые,
 Кости сухие, пустые,
 Мертвые, желтые,
 Саблей сечены,
 Пулей мечены²¹.

Это белогвардейцы, павшие в борьбе с Советской Россией²².

И кликуша-поэт начинает ворожить — читать заклинания, взывая к мертвецам.

С четырех сторон, с четырех ветров,
 Дохни дух, засвисти в кость²³.

Воспаленное воображение поэта рисует жуткую фантастическую картину:

Как с костью кость сходится,
 Как плотью кость одевается,
 Как жилой плоть зашивается
 Как мышцей плоть собирается —
 Так встань, Русь, поднимися,

 Царство к царству, племя к племени²⁴.

И дальше монархическая фантазия Волошина разыгрывается:

Кует кузнец
Золотой венец:
Царство русское собирать, сковать,
заклепать,
Крепко накрепко,
Чтоб оно, *царство русское*²⁵, не рассыпалось.

Заканчивается это заклинанье колдовской скороговоркой — причитаньем.

Будьте слова мои крепки и лепки,
Сольче соли, жгуче пламени.
Которые слова не преговорил — будьте назади,
Которые не договорил — будьте впереди.
Слова замкну... а ключи в море — океан спущу...²⁶

Так пишет Максимилиан Волошин в монархических сборниках, где он чувствует себя вполне свободно и может дать полный простор своим чувствам, чаяниям и стремлениям.

Своим творчеством Максимилиан Волошин сам дает ясный ответ на вопрос — кто он такой.

Это последовательный, горячий и выдержанный контрреволюционер — монархист.

Пусть же обращает он свои пламенные призывы к мертвецам контрреволюции.

Живой, творящей, неуклонно движущейся вперед — к коммунизму — рабоче-крестьянской Советской России такое творчество не нужно.

